

ских воззрений. Так и вышло. Власти оставались весьма равнодушны ко всем мольбам Ермолаева, пока он кричал только о поджогах; когда же осенью в сентябре он донес о распространении «незаконной» литературы, тотчас же приехали следователь по важнейшим делам, товарищ прокурора, целая свора полицейских — и началась погоня. Так как уже нельзя было разыскать поджигателей, — все следы их были упущены, — и так как, кроме того, очень хотелось прислужиться перед начальством, пожесточе расправиться со сторонниками республиканского образа правления, то вперед решено было, что всякий поджигатель читает запрещенные книжки и что всякий читающий запрещенные книжки — поджигатель. Живо забрали в тюрьму девять человек, подозреваемых в чтении книжек. Чтобы сделать им тюремное заключение как можно тяжелее, посадили их не в Петровскую тюрьму, а одних отправили в Вольск, других в Кузнецк. Поджоги продолжались, но и это нимало не смущало предержащие власти. Ведь они искали не поджигателей. Что им, в самом деле, Ермолаев с его шленскими овцами и омегами, погоревшими от поджогов? Им было важно захватить противника правительства и внушить мысль, что поджоги — от противоправительственных книжек; им нужно было, чтобы этих мнимых поджигателей отправили на каторгу не жалкие чиновники, а независимые присяжные, настоящие судьи. Они прекрасно знали, что только суд присяжных пользуется уважением и что приговоры судебных палат с участием словесных представителей все разумные люди приравнивают почти к распоряжениям жандармов. Чтобы вернее вырвать осуждение у присяжных, министр юстиции приказал закрыть двери суда (ведь неудобно при публике запугивать присяжных!), а политический сыщик Силин, нарочно для этого дела приезжавший в Саратов из Петербурга, предложил окружному суду перенести дело из Петровска в Хвалынский. Там народ как будто посерьез, больше боится прокурора, да и состав присяжных очень надежный (никак в социализме не заподозришь): ни одного крестьянина, только купцы да помещане-землевладельцы. Подлецы были совершенно уверены в успехе своей подтасовки и, казалось, присяжные должны были остаться в дураках! Но гнусный расчет не удался. Присяжные знали, что поджоги для землевладельцев — большое зло, но еще большее, несравненно более огромное зло это — бессудье, административный и судебный произвол над гражданами; возможность для полиции и прокуратуры отправить на каторгу всякого, кто не будет поить водкой урядника или па костях кого прокурор пожелает создать себе служебную карьеру. И вот — оправдание всех обвиняемых по всем обвинениям! Оправдание грозное и многозначительное. Этим оправданием присяжные заседатели сказали: мы не пешки в руках чиновников, мы умеем постоять за интересы нашей родины и наших сограждан против «жадной толпы, стоящей у трона». Но наша толпа чиновников не чувствует опасности; она слишком привыкла к общему подчинению и потому не считается с мнением общества и его представителей — присяжных. «А, вы не поступили, как мы требовали! Ладно! мы и без вас сумеем расправиться со своими врагами». И вот тотчас же после приговора присяжных, когда оправданный должен немедленно быть выпущен на свободу, восемь человек, в том числе Гаврилин, от обвинения которого отказался даже прокурор, снова заключаются под стражу. Не получает свободы — после восьмимесячного заключения — и 18-летний Абрамов, схвативший в тюрьме чахотку и последние месяцы лежавший в зловонном тюремном лазарете. Он жадно ждал суда, ждал свободы. Теперь — оправданный присяжными — он жандармами обречается смерти. Только один Семин (мальчик, которого почему-то «оправлял» урядник, но обвинял прокурор) получает свободу! Как прекрасен был приговор присяжных и как нагло распоряжение жандармов об отмене этого приговора... «в административном порядке»!!! Но теперь не те времена, что были 25 лет тому назад: все чувствуют близость исторического момента, когда русский народ свергнет ненавистное иго.

Земцы в роли «пресекаателей».

Екатеринославская
Губ. Зем. Уп.
1 июля. № 8493.

Гг. Заведующ. врачебно-
продовольственными пунктами
Губ. Земства Екатеринослав-
ской губ. Г. Екатеринослав.

До сведения Губернской Управы дошло, что некоторые из заведующих врачебно-продовольственными пунктами для пришедших сельскохозяйственных рабочих не ограничиваются прямыми своими обязанностями, состоящими в регистрации рабочих и оказании им врачебной и продовольственной помощи на пунктах, но позволяют себе вмешиваться во взаимные отношения сельскохозяйственных рабочих с работодателями, обращаясь к последним с отношениями о выдаче паспортов рабочим, оставившим работу, и т. п. Губернская Управа считает долгом раз'яснить Гг. заведующим пунктами, что их обязанность заключается лишь в надзоре за санитарным состоянием рабочих на пункте и в их задачи вовсе не входит наблюдение за санитарным состоянием рабочих в сельскохозяйственных экономиках, а тем более вмешиваться во взаимные отношения экономий с рабочими. В случае дальнейшего вмешательства Гг. заведующих пунктами во взаимные отношения между рабочими и работодателями, пункты, на которых это будет замечено, в силу необходимости избежать всяких поводов к столкновению экономий с рабочими, будут подлежать немедленному закрытию по распоряжению Губ. Земской Управы.

Председатель: Родзянко.

Член Управы: (не разобрана фамилия.)

Главный санитарно-эпидемический врач: Будаков.

Делопроизводитель: (подпись неразборчива.)

Как видно, наши земцы либеральничают, пока дело не касается их карманов, но

Когда до прибылей коснется,
Не только там гусям,
И людям достается.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Мрачную, на первый взгляд даже совершенно отчаянную, картину представляет из себя нынешнее состояние Финляндии: с одной стороны, все продолжающееся усиление жандармско-полицейского произвола, нагло попирающего самые элементарные гражданские и человеческие права, с другой стороны, ослабление стойкого пассивного сопротивления народных масс, быстрое развитие азиатской системы доносов, сыска и шпионства, нашедшей поддержку, главным образом, среди части низших слоев финского народа, сильная эмиграция крестьянского и рабочего классов и т. п.

Призывы к воинской повинности, как известно уже читателям, в этом году прошли значительно хуже для оппозиции и лучше для царского правительства. Так, по официальным данным, до 25 мая (нов. ст.) из 14.115 призываемых явилось 9.044 человека, или 64,1 проц., и отсутствовало 5.071 человек, или 35,9 проц. В прошлом году в этих же самых общинах из 14.876 призываемых явилось 6.790 (45,6%) и отсутствовало 8.086 (54,4%), 25 июня (нов. ст.), по тем же данным, этим цифрам соответствуют следующие: 20.131 призываемый, явилось 13.361, отсутствовало 6.770 человек. В прошлом году общее число призываемых 21.236, присутствовало 9.145

человек и отсутствовало 12.091 человек. Мы поневоле пока приводим «официальные данные», требующие значительных поправок. Мы уже раньше упоминали о том, что эти «официальные» цифры не достоверны: в интересах властей число призываемых и присутствующих увеличить и число отсутствующих уменьшить; поэтому царские статистики без церемоний «свободно» обращаются с материалом. С самого начала они ввели курьезное подразделение: присутствующие, находящиеся в Америке, и отсутствующие по «неизвестной причине». Между тем всем известно, что значительное большинство юношей эмигрировало именно, чтобы не исполнить «закона» г. Куропаткина и в то же время избежать возможных последствий нынешней кулачной расправы царских слуг. Кроме того, в свободной финляндской прессе было разоблачено не мало случаев самого грубого обмана в жандармской «статистике». Так, напр., в Вазасском призывном округе, за исключением самого города, фактически почти никто не явился, тогда как официально показаны довольно крупные цифры; например, в одном участке присутствовало якобы 27 человек, тогда как всего 20 чел. не эмигрировало, а явилось лишь 2—3 человека. Несколько подобных случаев можно было бы привести. К категории присутствующих опричники начали относить и всех освобожденных по семейным причинам и физическим недостаткам от воинской повинности. Такая развязность правительственных статистиков хорошо знакома нам, русским революционерам... Итак, даже по официальным данным выходит, что больше $\frac{1}{3}$ части юношей не подчинилось царским повелениям; на самом же деле число отсутствующих должно увеличиться на несколько процентов. Если бы мы стали рассматривать результаты призывов по отдельным участкам, то мы во многих городских и сельских общинах и в этом году увидели бы единодушное сопротивление со стороны молодежи: в некоторые призывные присутствия никто не являлся, во многие — самый незначительный процент. Так, например, в 10 шведских сельских общинах западной Финляндии присутствующих оказалось всего-навсего 13 чел. В Гельсингфорсе из 692 чел. явилось 267 чел. (38,6%), причем 25 человек принадлежали к другим местностям, поэтому правильнее были бы следующие цифры: общее число 667, присутствующих 242 чел. (36,3%). В прошлом году в Гельсингфорсе явилось всего 110 чел. из 857, т. е. 12,8%. В гг. Борго из 34—6, Ловизе из 21—1 и пр. Приведенные примеры и цифры свидетельствуют далеко не о полной «победе» самодержавия в столь важном для него вопросе, а скорее о значительном-таки поражении. Тем не менее Бобриков и К^о не даром торжествуют: при более удачном исходе пассивного сопротивления как сам сатрап, так и многие его сподручные легко могли бы слететь со своих теплых местечек, по крайней мере, довольно основательные данные подтверждают такое предположение. Кроме того, что еще гораздо важнее, все царское правительство, весь разнузданный деспотизм получил бы в том случае слишком опасный удар, и финский народ еще раз доказал бы всему миру полнейшее бессилие царизма перед дружным организованным сопротивлением широких слоев народа. Подобный урок значительно ускорил бы неминуемую гибель этого чудовища. Оно прекрасно сознавало страшную

опасность для себя в отказе целого народа в подчинении военному «закону», тогда как на одной лишь грубой военной силе зиждется до поры до времени все его спасение. Отказ значительной части финского народа от столь могучего, совершенно исключительного средства борьбы с «грозным» самодержавием, которое фактически трепетало перед ним, вызван, как уже мы говорили в предыдущих статьях, главным образом, возмутительной агитацией старофенноманов. Эта партия духовенства, зажиточных крестьян и мелкой буржуазии не перестает «спасать» отечество. Пасторы с епископами во главе оказывают сильное давление на крестьян, призывая их в проповедях к подчинению царским приказам, отказываясь окликать в церквях непокорных юношей, венчать их и т. п. Недавно на съезде духовенства один епископ сказал: «Над нами лишь одна власть — государь!» Словом, финляндское духовенство успело, в своей покорности, уже опуститься на уровень наших попов. Весной ходили слухи о предстоящей отставке 40 пасторов, отказавшихся оказать содействие проведению «закона» о воинской повинности; однако все они, за исключением нескольких, подчинились требованиям епископов и царских слуг. Не так вели себя многие пасторы в прошлом году, когда в церквях происходили демонстрации при обнародовании этого «закона». Но духовенство повсюду по существу консервативно и поддерживает светскую власть. Воззвание 10 студентов старофенноманов (см. № 41), опубликованное в 26.000 экз. и распространенное среди всех призываемых, многочисленные статьи газет этой партии, ложные слухи царских агитаторов о предстоящем переделе земли, которым по введению русских «законов» царь благодетельствует многочисленное безземельное сельское население и т. п., и наконец, правительственный террор, соединенный с зубатовщиной, сломали во многих местностях сопротивление и вызвали обильные доносы. Были случаи, когда призываемые сами выдавали «агитаторов», нелегальную литературу и пр. На днях наши газеты перепечатали из «Фин. Газ.» умиленное сообщение о всемилостивейшем прощении царем «свыше 80» раскаявшихся, не явившихся в прошлом году в призывные присутствия. В финляндских же газетах было опубликовано также «официальное сообщение» о 79 лицах. Видно, орган Бобрикова «для красного словца» накинул несколько раскаявшихся грешников. Между тем не мало молодых людей прошлого года призыва лишилось своих должностей в силу январского рескрипта; так, более 30 лиц, служивших на железной дороге, несколько почтальонов и друг. были оставлены царем без куска хлеба. В этом же году, как известно, русские опричники не знали никаких границ, чтобы заставить молодежь подчиниться. Губернаторы раз'езжали с огромной полицейской свитой, а иногда и с войском, по призывным присутствиям, силою брали помещения для «присутствий», оцепляли целые местности, чтобы предохранить новобранцев от агитаторов, производили аресты, обыски и пр. В прошлых статьях я уже упоминал об арестах нескольких интеллигентов, сознательных рабочих и крестьян; пока нельзя привести точных цифр. Развязность Бобрикова идет так далеко, что он настоял на увольнении хозяином крупного гельсингфорского магазина трех приказчиков, уклонившихся от призыва; он грозил в противном случае закрыть магазин,

что он действительно уже в одном местечке и сделал. В силу новых полномочий закрыта 8 июня (нов. ст.) одна лавка в Вазасской г. Сатрап с прочей братией, разумеется, не думает останавливаться перед продолжением своего террора. 16 июня (нов. ст.) произведен основательный обыск и вручен приказ в течение пяти дней покинуть Финляндию помещику Аскану в Ньюландской губернии. Из секретного циркуляра Выборгского губернатора видно, что запрещено возвращение на родину находящемуся в Швеции выдающемуся финляндскому литератору К. Силлиякусу, о чем последнего даже не нашли нужным и уведомить.

Новый режим в Финляндии не обходится без жертв в буквальном смысле слова. В мае утопился один крестьянский сын, которому совесть не позволяла подчиниться «закону». Подобное самоубийство зимой совершил один юноша, раскаявшийся в своей прошлогодней агитации в пользу того же «закона». Похороны и отправление из Гельсингфорса в Выборг тела скончившего с собою в Берлине выдающегося демократического публициста и педагога доктора философии Люлю (см. № 43) состоялись под надзором полиции. Это был замечательно симпатичный борец за политическую свободу своей родины, доведенный до самоубийства систематической травлей со стороны опричников. Последним ударом было известие о запрещении возвратиться на родину, тогда как он страстно желал провести лето в своем имении. Магистр Нуупала за свою лживую правительственную агитацию (см. № 43) был исключен товарищами на два года из западно-финляндской корпорации. Это наибольшее наказание, которому корпорации могут подвергать своих членов. «Fria Ord» в № от 20 июня приводит любопытные данные относительно увольнения конституционных чиновников. С сентября по июнь противозаконно уволено или дана отставка по вынужденному прошению около 95 лицам, до 30 чиновников вышло в отставку в виде протеста и 20 покинуло службу в той или другой связи с новым режимом. С тех пор приказано уже подать в отставку нескольким лицам. Бобриков производит основательно эту чистку.

Теперь следует сказать несколько слов о новых «реформах» г. Плеве и его сподвижников.

Недавно состоялся указ о правилах «представления» всех высших финляндских чиновников Бобрикову, которому подчинены, по новым указам, все учреждения края. Теперь он самодержец Финляндии. На-днях опубликовано «временное» высочайшее распоряжение о продаже взрывчатых веществ и ружей, сходное с действующим у нас в Положении об усиленной охране. «Либерал» Витте добился приказа о печатании впредь финских кредитных билетов в русской экспедиции заготовления государственных бумаг, что очень важно «для успеха предстоящего перехода к объединению монеты во всем пространстве русского царства». Этот приказ совершенно незаконен. Предлогом для своего проекта «либеральный» министр выставил неправильное изображение русского государственного герба. «Объединение же монеты» явится разорением Финляндии. «Витте так расположен к Финляндии», воображали в начале новой политики многие финляндцы. Наконец, следует отметить постановление, перепечатанное из «Фин. Г.» всеми газетами, об объединении финляндского железнодорожного ведомства с рус-

ским, в силу которого русским инженерам в будущем предстоит новое обширное поле деятельности для грабежа. Требование знания русского языка, переименование «правительственных» в «казенные» железные дороги и пр.—вот некоторые последствия новой «реформы». Терминология эта... «устраняет нежелательное напоминание как бы о не существующем на деле особом финск. правительстве...» злобно острит «Фин. Газ.», очевидно и по адресу старо-фенноманов, которые для спасения местного «правительства» (финляндского сената) считают необходимым подчинение всем указам царя, Плеве, Бобрикова и прочих. Опытный начальник железнодорожного ведомства д. ст. советник Стремберг, занимавший этот пост более 40 лет, т. е. со времени постройки первой железной дороги, вышел в отставку, не желая санкционировать незаконной отставки вышеупомянутых служащих юношей.

Нет фин. «правительства», равно как и фин. «конституции» — издевается «Ф. Г.», уверяя, что в Финляндии всегда существовало самодержавие. Относительно нынешнего положения дел она права, так как чрезмерная усиленная по новому штату канцелярия Бобрикова является «высшим правительством Финляндии», хотя старо-фенноманы и верят еще в «царское слово» и продолжают «спасать» родину. Кстати, своеобразные «спасители» сенаторы награждены русским правительством и будут получать большое жалование. Все истинные финляндские граждане не думают и теперь сложить оружие в борьбе уже не столько за сохранение основных законов, сколько с российским самодержавием. Одним из самых верных средств для спасения Финляндии, несомненно, является поддержка финляндскими борцами российской социал-демократии.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

ВСЕОБЩИЕ СТАЧКИ НА ЮГЕ РОССИИ.

В настоящее время мы можем познакомить читателей только с частью имеющегося у нас материала, относящегося к грандиозному пролетарскому движению, вспыхнувшего одновременно в разных концах России. В следующем номере мы дадим оценку этого в высшей степени важного события.

Всеобщая стачка в Одессе. За Баку — Тифлис, за Тифлисом — Киев, за Киевом — Елисаветград, наконец Одесса. Грандиозное восстание рабочих Юга представляет событие, которое будет иметь громаднейшее значение для всего дальнейшего освободительного движения. До сих пор мы имеем следующие сведения о делах в Одессе:

Вам верно известно, что у нас произошло. Здесь бросили работу все, начиная с портовых рабочих (босяков) и матросов, рабочих механических заводов и кончая рабочими самой мелкой мастерской. Хлебопекарни все закрыты, газеты не выходят, конка не ездит. Открыты, словом, только торговые заведения. Все это движение носит скорее стихийный, чем организованный характер. Происходили громадные собрания. Количество неработающих простирается до 50 тысяч.

(Из частного письма.) «18 июля. Письмо не ушло бы вчера, так как рабочие не дали поезду тронуться. В Одессу поезда пропускались, но не обратно. Рабочие прямо заходили во все заводы, фабрики, типографии, пекарни и разные мастерские и требовали, чтобы все рабочие оставили работу, и те немедленно присоединялись к стачке. Хлеб брали с бою; сегодня за хлеб в девять коп. пришлось платить 15 к. Конка уже четвертый день не курсирует в городе, трамвай тоже... Я слышал вчера, будто сегодня должны быть сходки в нескольких местах, куда должны явиться десятки тысяч рабочих. Войско уже призвано и бивуакирует во многих местах города. Пока везде тихо. В виду таких важных событий в нашем городе дела, конечно, приостанавливаются...

«Перед вечером. Движение и оживление в городе необычайное. Все магазины закрыты. Казаки разъезжают по городу. Некоторых арестовали. Появилось объявление градоначальника о том, что, в случае неподчинения требованиям полиции, он принужден будет прибегнуть к вооруженной силе. Говорят, за городом в нескольких местах — большое оживление... В порту сегодня уж работают; там также находится войско, которое не должно допустить рабочих, приходящих с целью отвлечения грузовщиков от работы. Одним словом, Одесса переживает небывалые еще доныне события... Забыл сказать, что газеты сегодня не вышли, так как вчера весь набор был разбросан».

Одесса, 17 июля. На Пересыпи с утра собралась большая толпа рабочих (в несколько тысяч человек), когда в городе было еще совершенно тихо. Были ораторы разных партий, и социал-демократам удавалось временами овладеть настроением настолько, что принят был план: пройти через весь город, забрать отовсюду рабочих и, собравшись на вокзале, двинуться к тюрьме. После многих удачных и неудачных речей толпа двинулась в город, по пути останавливая все работы (до паровозных включительно). Настроение достигло своего maximum'a. Войско собралось впереди толпы и церемониальным маршем двинулось, но не на нее, а... впереди ее, так что толпа смогла отхлынуть и пойти другим путем. Состав менялся, уставшие расходились, приставали новые, раздроблялись на группы и т. п. Все стало, прекратились все работы.

Вечером собирались толпами, но их уже начали разгонять. Около газовой станции стреляли в толпу холостыми зарядами (это в полнейшей темноте!).

В пятницу, с пяти часов утра, собрались в Рубовом саду (за Бугаевкой). Говорят, было около 40-50 тысяч. Говорили речи, «независимцы»¹¹ мешали ораторам, прерывали и, когда это не действовало, кричали: «казаки, казаки!...», заставляя толпу волноваться и разбежаться. «Независимцы» кричали: «Долой переодетых студентов!» Часов с десяти толпа начала расходиться понемногу. Разогнали ее пехота и казаки. Шествие растянулось на громадное расстояние. Вся дорога была усеяна людьми. Казаки распотпали старика каменьщика, многих ошарашивали прикладами, очень многих ранили. С «независимцами» обращались совсем по-иному, ибо они имели с солдатами пароль и заранее условились о своей тактике и местонахождении. Были такого рода сцены: гг. «независимцы» сидят на полянке в большом количестве, мимо же проходят войска, не трогая их.

Несмотря на крутые меры, три группы проникли все же в город. Первая группа пошла по пути к Преображенской, но на углу Нежинской была встречена казаками, смята, разбита. В этой группе было сперва несколько тысяч, но ко времени встречи с казаками осталось 400-500 человек. Знамени не было, пели песни. Вторая группа пошла по другим улицам к Дерибасовской (главной), но на Сенной площади была жестоко разогнана штыками пехоты. Тут было знамя и пели песни. Арестовали массу народа тут же. Третья и самая большая группа (сначала тысяч пять, впоследствии тыс. две) развернула несколько знамен (в том числе несколько «заслуженных», уже раньше развешивавшихся в демонстрациях) и платок, смоченный по диагонали кровью раненых, успела расклеить афиши и прокламации, но была жестко всех избита и рассеяна на Разумовской улице.

Теперь начались сплошные аресты и избиения.

Солдаты далеко не везде так «старались»: напр., в одном случае поставленные караулом у ворот двора, куда загнаны были демонстранты, они позволили себя убедить не обращать внимания на бегство арестованных через соседние дворы. Таким образом скрылось 100—150 человек. Были факты отнятия оружия без особенного сопротивления со стороны владельца оного. Теперь весь город занят войсками. Сквер около собора настоящий военный лагерь. Можно видеть рабочих, мирно беседующих с солдатами. Полиция и «независимцы» стараются объяснить репрессалии вмешательством «социалистов» в «правое дело рабочих». Несколько человек социал-демократов отправились в толпу вечером 18-го, но часть их была избита переодетыми шпионами, а часть выдана полиции. Их продержали два дня.

Прокламации зачастую рвали, не читая.

На днях закончилась крупная стачка портовых рабочих — победа полная (вместо 70 к. — 1 р. 60 к. в день и рабочий день уменьшен на 1½ часа). В то же время была жел.-дор. стачка — безрезультатно. Третьего дня опять вспыхнули там стачки. Железнодорожники, воодушевшись известиями из Баку, кричали: «хотим как в Баку!» Их выборного (по новому закону) старосту забракowało начальство.

В порт прискакал Шаевич (председатель «независимцев») и держал речь: «Есть два пути: 1) прошибать стенку лбом и 2) сверлить ее. Какой путь вы избираете?» «Стенку лбом!» загудела толпа... Оратор исчез...

Одесса. В письме своем я не буду касаться того, как нарастало стачечное движение в Одессе, не буду перечислять всех фабрик и заводов, примкнувших к забастовке. Скажу лишь о том, что с утра 16-го заигрывания администрации прекратились. Вместо витиеватых ораторов — независимцев и добродушно-снихождительного отношения полиции к стачечникам, как это имело место 14-го, 15-го, 16-го и 17-го, на улицах с утра появились военные патрули, на всех перекрестках красовалось предупреждение градоначальника о том, что для восстановления порядка будет пущена в ход сила оружия. Всем известно было то, что сегодня, т. е. 18-го, ни один завод, ни одна мастерская не работают; что на базаре нет хлеба, нет мяса, так как бросили работу на бойне и в пекарнях*; прекратилось движение конок, паровых трамваев, паровозов и поездов, — словом, замерла вся жизнь, чутко прислушиваясь к требованиям титана-работника. Решительно весь город ждет, чем разрешится невиданная еще доселе в Одессе гроза: говорят, что город будет лишен света, воды, что капиталисты обязаны пойти на уступки. Интересно то, что во всех слоях общества держится убеждение, что рабочие стоят за «правое дело», что жить дальше так нельзя, что необходимо улучшить их положение. Не касаюсь совершенно собраний, бывших до сегодняшнего дня, так как хочу сообщить лишь о том, что сам видел. Скажу только, что привлечение к всеобщей забастовке организовано было следующим образом: громадные толпы рабочих (в несколько тысяч человек) обходили все крупные и мелкие фабрики и заводы, причем предлагали всем бросить работу и примкнуть к товарищам. Давались тревожные свистки, рабочие с криками ура выходили на улицы, и подкрепившаяся толпа шла дальше. Утром 18-го была назначена общая сходка в Рубовом саду, где и вчера происходило собрание. Туда-то я и направился, но в виду того, что несколько запоздал, могу сказать только о внешней стороне собраний: на огромной площади, усаженной там и сям деревьями, собралась громадная масса народу, от 30 до 40 тысяч человек, были тут женщины и дети, представителей так называемой интеллигенции почти нельзя было заметить. Ораторы, сидя на деревьях, читали вслух прокламации, говорили речи, другие им возражали, но был при этом такой шум, что уловить точно содержание речей

* Попутно отмечу очень характерный факт: все хлебо-пекарни прекратили работу, кроме артельных (их с четырьмя), мотивируя свой отказ тем, что у них нет рабочих и нет хозяев, а следовательно нет эксплуатации. А хлеб свой тем не менее артельщики продавали по утроенным ценам.

было трудно. Можно было понять лишь одно, что часть ораторов, преимущественно из серой, неорганизованной рабочей массы, а в особенности представители «независимых», ограничивались одними экономическими требованиями, другие же говорили о неразрывности экономических требований с политическими. Все эти разговоры происходили в присутствии массы полиции, солдат, которые отделили всех нас, никого не выпуская. Но вот в толпе поднялось движение, решили пойти в город, волна в 2 или 3 тысячи человек, с криками: «дружней, братцы» смяла неожиданно казаков и свободно направилась в город. Оставшиеся также заволновались, но их не пустили, а затем уже издали стали доноситься ужасные крики и видна была только пыль от несшихся на толпу казаков. Те, которые потом примкнули к нам, рассказывают, что сильно били и топтали лошадьми. Пробиравшаяся толпа разделилась на несколько колонн, и одна, в которой был и я, направилась к толкучему рынку. Весь этот путь шли относительно спокойно, но, подойдя к толкучке, выделилась толпа человек в 300 или 400 и громко стала кричать: «долой самодержавие, долой правительство, да здравствует социализм», при этом в толпе несколько человек стали раздавать прокламации, и публика их с жадностью подхватывала, некоторые читали тут же, большинство же прятало их в карман. Листков было очень много (трех видов), так что улица была усыпана ими. От толкучего рынка мы пошли сначала по Большой Арнаутской, а затем свернули на Успенскую и по ней дошли беспрепятственно почти до угла Екатерининской. Никто решительно нам не мешал двигаться. По пути раза два задерживали рабочую «Марсельезу», но при том форсированном марше, каким мы двигались, петь было очень трудно, и надо сознаться, что выходило очень нестройно. Все время красовалось красное знамя с соответствующей надписью, причем знаменосца несли на руках. Громкие революционные возгласы и крики «ура» не прекращались ни на минуту. Со стороны проходившей и сидевшей у ворот публики слышались крики: «молодцы», «крепитесь», «помоги вам бог». А когда прокламации приклеивались к деревьям и поверх градоначальных объявлений, то это вызывало всеобщее одобрение и крики «браво».

Демонстрация наша продолжалась около 25 минут, и прошли мы довольно большое расстояние. Должен отметить крайне интересный факт: все время нашего шествия магазины не закрывались; тех торговцев, которые поспешно запирали двери, рабочие успокаивали, говоря: «Не бойтесь, не бойтесь, это вам не Кишинев, мы совсем другого хотим, среди нас нет ни жидов ни русских, мы все рабочие, всем нам одинаково тяжело». Говорили это, конечно, русские рабочие, и замечательно, часто самые серые!

Когда мы уже приближались к Екатерининской, поднялся страшный крик «бьют, бьют», и я помню лишь, как с одной стороны меня обдало горячим дыханием мчавшейся прямо на меня лошади, а с другой видел озверевшего казака с обнаженной шашкой, рубившего направо и налево, потом все вдруг утихло и потемнело... Очнулся я в каком-то магазине...

Что было дальше, не знаю. Слышал, что такая же демонстрация с красным знаменем была на Преображенской, но продолжалась там гораздо меньше. Скажу еще несколько слов о том ощущении, которое у меня было во все время шествия. Казалось, что живешь удесятенной жизнью, все было так легко, цель так ясна и близка, в сердце столько бешеной отваги и самозабвения, что готов был вступить в борьбу с самим сатаной, не то что с каким-то поганым казаком.

Очевидец.

Одесса. В письме от 19 июля пишут: «В городе у нас творятся небывалые дела, которые теперь в самом разгаре и держат весь город в состоянии крайнего напряжения. Сегодня расклеено такого рода объявление нового градоначальника ген. Арсеньева: «Вследствие возникших в городе беспорядков сим объявляю во всеобщее сведение, что при неподчинении требованиям полицейской и административной власти я принужден буду для восстановления порядка на основании закона употребить силу оружия». Со вчераш-

него дня, с 5 часов пополудни, в городе расставлены войска в полном вооружении и рыскают зевающие и ищущие дела казаки, но никаких стычек еще не было. Только что отправлена рота солдат на Пересыпь, где рабочие прекращают работу на скотобойнях. Таково положение в настоящий момент. Но я опишу последовательно, с чего и с кого началось движение.

«Прежде всего забастовали портовые босяки, требовавшие повышения поденной платы с 1 рубля до 2 руб. 20 коп. Работа была прекращена на целую неделю. Если начиналась где-нибудь работа, то толпа прогоняла работавших. Наконец, босякам была повышена плата с 1 руб. на 1 руб. 50 коп. и они уже готовы были взяться за работу, когда забастовка устроена была и матросами всех пароходных обществ. Матросы требовали также повышения платы, указывая на то, что при теперешней дороговизне городской жизни семейному человеку невозможно жить на 10—12 рублей, которые получает младший матрос. Требовали повышения с 10 на 25 и т. д. соответственно занимаемому посту на пароходе. Все матросы приходивших в порт пароходов примыкали к товарищам и составили партию в 2—2½ тысячи человек. Ни один пароход не уходил. Машинное отделение не работало, и потому ни на грузки, ни выгрузки совершать нельзя было. Тогда были выписаны из Николаева военные матросы. В среду ушел с военной командой пароход Р. О. П. и Т. — на лиман, но вслед за этим забастовавшие матросы стали силою мешать уходить пароходам. Вчера ушел какой-то пароход с обломанными свистками, колоколами и многими другими повреждениями. Между тем весть о забастовке в порту распространилась по городу и зародила в городских рабочих мысль о забастовке. Движение конки приостановилось — ни один кондуктор и кучер не вышли на работу. Фабрики забастовали, и толпа рабочих в 2 или 3 тысячи человек (не знаю точно — сколько, так как нельзя было различить в массе собравшегося на улице народа, кто принимал участие, а кто нет) стала обходить город, прекращая работы на постройках, в хлебопекарнях, на заводах, на водопроводе, казенном очистном складе винной монополии и пр. пр. Спешно закрывали магазины там, где проходила толпа, но нигде не было беспорядков. Сегодня город лишен хлеба, воды. Все естественные припасы повысились в цене. Движение поездов приостановлено — не знаю только, вследствие ли забастовки железнодорожных рабочих. Вот в таком положении находится теперь Одесса, впервые показавшая гражданскую зрелость своих рабочих. Чем кончится, конечно, предвидеть можно: ничем. Кое-где, вероятно, будет повышена плата, но уже достаточно и того, что рабочая масса проявляет себя и идет по пути сознательного отношения к окружающей обстановке.

«Р. С. Сегодня на углу Преображенской и Почтовой казаки рассеивали толпу и били саблями плашмя. На моих глазах с бульвара увели, повидимому, ни в чем неповинных трех человек и одного мальчика лет 11—12 под конвоем в 5 чел. солдат».

Николаев. 21 июля. Усиленное распространение листов, последние события в Одессе, Баку, Тифлисе, Батуме и других городах, в связи с прижимками на заводе, возбудили сильное брожение. «Не хотим работать, когда другие бастуют», говорили даже массовые рабочие. В понедельник 21 мая на всех заводах была распространена прокламация, в которой говорилось о старостах, о вновь отнимаемых уступках, добытых прежней стачкой, и рабочие призывались к политической борьбе. Это послужило той искрой, которая окончательно воспламенила массу. Хотя Комитет думал вызвать стачку позже (войска через несколько дней собирались на маневры), но рабочих нельзя было удержать. Первые прекратили работу рабочие котельной мастерской Французского завода (один из крупных южных заводов) и с криками «да здравствует стачка» бросились по другим мастерским. «Ура!» было им ответом. Часам к трем работы были прекращены на всем заводе. К рабочим вышел директор Канегисер. Говорить со всеми он не захотел, а заявил, что у рабочих есть старосты, пусть они передадут ему, чего они хотят. «У нас нет старост! наши старосты у Дремлюги! (жандармский полковник). Нам

необходим восьмичасовой рабочий день. Нам надо отмены новых правил. Нам нужна политическая свобода». — «Я не могу вам дать этого», отвечал директор. — «Да мы у тебя и не просим! Долой его!» — и директор убежал, сопровождаемый криком и свистом. Тогда один из рабочих сказал краткую речь, и толпа двинулась к соседнему Черноморскому заводу (тоже крупный завод). Между тем, испуганная администрация заградила все выходы и входы и отказалась впустить рабочих в завод. Тогда рабочие разнесли заводскую стену, ворвались во двор и дали гудок; работы были всюду по мастерским прекращены, и толпа, усиленная теперь рабочими Черноморского завода, направилась к воротам. Но здесь ее уже ожидали успевшие прибыть войска. Рабочие вернулись обратно, вооружились молотками и проч. Пытавшейся выйти из ворот толпе офицер угрожал стрелять. Уже затрубили в рожок. Солдаты взяли ружья на прицел. Тогда один из рабочих заявил офицеру, что рабочие разойдутся, если солдаты возьмут к ноге. Офицер скомандовал «К ноге». Рабочие вышли и со знаменами, пением революционных песен двинулись в город, сопровождаемые войсками и сворой городских и околоточных. Настроение было приподнятое, пение и крики не умолкали. Вдруг навстречу демонстрации летит градоначальник. Выслушав требования рабочих, он заявил, что не может их удовлетворить, и предложил демонстрантам разойтись. В это время один из малосознательных рабочих бросил в градоначальника камнем и расшиб ему голову до крови. Полиция пыталась задержать ударившего, но рабочие его не выдали. Разговоры с градоначальником ни к чему не привели, и демонстранты направились к спиртоочистительному заводу, где ожидали их работницы, которым выход из завода был прегражден войсками. Демонстранты бросились к воротам, но были встречены солдатами со штыками наперевес. Дружный натиск рабочих оттолкнул солдат и освободил работниц, хотя со стороны рабочих было не мало избитых и раненых штыками, одному даже прокололи легкое. Демонстранты с криками восторга приняли в свою среду выбежавших девушек и с пением «Марсельезы» и криками «долой самодержавие, да здравствует солидарность рабочих» двинулись в главную часть города. Улица на большом протяжении была покрыта народом. Участников было свыше 10.000. Шествие произвело громадное впечатление. Здесь еще никогда не видели такой демонстрации. К рабочим народ стекался массами. Во многих мастерских прекращались работы, и рабочие присоединялись к демонстрантам. Идя по улице, демонстранты останавливали конки и предлагали публике сходить, распрягали лошадей и отправляли их в депо. Причем все это делалось без всяких насилий. В страхе перед демонстрантами буржуазия бросилась запирать магазины, но рабочие всех успокаивали, говоря, что они не грабители и никого не тронут. Власти положительно растерялись. Полиция действовала неумело, солдаты на время потеряли демонстрантов из виду. Пройдя версты 1½, толпа стала расходиться. Тут только на отдельные кучки напали войска и полиция. Много избитых, раненых, есть арестованные, публика, по преимуществу к организации совершенно непричастная.

Демонстрация произвела в городе большой переполох. Всюду по городу расхаживали войска. На площадях расставили целые роты. Солдаты привлекали массу любопытных и тем продолжали демонстрацию, начатую рабочими. По улицам всюду толпился народ; и стар и млад поползали из своих берлог. Всюду оживленно толковали о совершившемся. Всюду о демонстрациях отзывались сочувственно. Волнения не улеглись и на другой день. Французский завод работ не возобновлял. Рабочим Черноморского завода администрация сама предупредительно выдала отпуск на неделю. Забастовали рабочие мелких мастерских, прекратила движение конка. По улицам расхаживали демонстративно войска. По телеграфу были вызваны казаки, ушедшие на маневры; парад, который должен был произойти в этот день, отменен.

За городом в роще собралось около 300 рабочих. Они были окружены войсками, но успели разбежаться; арестовано несколько человек.

На третий день начали рассчитывать рабочих Франц. завода. Около завода собралась огромная толпа народа.

В толпе были распространены листки, изданные Комитетом. Они с жадностью прочитывались рабочими и свободно, на глазах неподалеку стоявших полиции и жандармов, передавались из рук в руки.

В толпу был послан, как было ранее условлено, комитетский оратор. Рабочие подняли его на руки, и он произнес речь, в которой указывал на необходимость политической борьбы, на значение стачки; он советовал рабочим держаться стойко, не выдавать своих передовых товарищей и закончил речь возгласом: «Долой самодержавие!» Громкое ура раздалось ему в ответ. Оратор скрылся. Рабочие отправились в коммерческий порт. Остановили мастерские бывш. мин. пут. сообщ., остановлен элеватор. В это время на них налетели солдаты. Был дан выстрел; несколько ранено, убит случайно проходивший старик. Рабочие осыпали солдат камнями. Пострадали солдаты и полиция, убит околоточный. За два дня по официальным источникам арестовано 53 человека. Всего же арестовано гораздо больше. Во все время волнений Комитет ежедневно выпускал листки.

За последнее время Комитет выпустил следующие листки: «Что такое политическая свобода?» (печ.), «К рабочим Французского завода» (печ.), «Социал-демократы на суде» (переп. из «Искры»), «По поводу последних событий» (литогр.), «К солдатам» (гектогр.), «Опять по поводу последних событий» (печат.), «К рабочим Французского завода» (печ.).

25-е. Французский завод еще не работает. Рассчитывают поголовно всех рабочих.

Елисаветград. В нашем городе, куда ни пойдешь, только и слышишь везде разговоры о стачке. Произошла она следующим образом. В четверг 10 июля, в 8½ час. утра, на заводе Яскульского по гудку, который рабочие выпустили вместе с паром, они бросили работу и направились к заводу Шкловского и Эльворти с криками и песнями. Но, благодаря усердию властей, их не пропустили, и рабочие разошлись кучками. На следующий день бастовали все заводы, за исключением Эльворти и Бургарта (у Яскульского I, Яскульского II, Шкловского, Краузе и Кесслера). Требовали уменьшения работы на час времени, повышения платы на 10% (проведения водопровода для питьевой воды у Яскульского, где до сих пор пили из какого-то грязного котла) и т. д. Вчера, 12 июля, стачку выиграли. У Яскульского все требования удовлетворены, а на остальных заводах почти все главные. Остальные заводы обещали уступить к 15 июля. Словом, наш город живет. У рабочих оживленные лица. Жертв пока нет, но ожидают. Всего стачечников 800 человек. Теперь мы видим, как совсем незначительное число людей может повести за собой массу. При собраниях на заводах рабочие рвались в город.

По сообщению другого письма из Елисаветграда, на второй день забастовки из Одессы приехал фабричный инспектор, и под его председательством было устроено заседание из всех заводчиков, на котором все согласились на выставленные требования. Заводы охранялись вытребованными из лагерей войсками и передетыми в форму городских жандармами. Было за городом собрание в 400 человек, говорились речи политического характера. 14-го работа возобновилась.

Грандиозная стачка в Баку. Восьмой день как в Баку, Балаханах, Черном и Белом городе бастуют рабочие, мастеровые, служащие, караульщики, дворники и даже городские, железнодорожные мастерские, депо, кондуктора, машинисты, их помощники, конно-железная дорога и все служащие пароходов, типографщики, сотрудники газет, бастуют все мелкие мастерские. Словом, всеобщая забастовка: стоят все нефтяные промыслы, шестой день не выходят газеты (а здесь три газеты), сапоги негде почистить, постройка домов приостановлены, конки в городе нет. Ежедневно массовые собрания стачечников за городом. Сходки каждый раз состоят не менее как из 3.000 людей и 20—30-тысячные сходки не редкость. Бастуют около 50 тысяч человек. Это нечто невиданное. Боюсь, что не-

сумею передать хоть сотой доли того, что происходит. Ах! если-б Россия (центры — Петербург и Москва) готова была, хоть сейчас на штурм иди! Администрация или прячется или говорит раболопным языком. Казаки играют заискивающую роль, — только и слышно от них: «Ради бога, не подведите нас». Приехал сюда из Тифлиса главноначальствующий и его помощник, приехал начальник Закавказских жел. дорог. Нефтепромышленники советуются каждый божий день. Эти последние несут 2½ миллиона рублей убытка, бастующие же 400 тысяч рублей; это цифры из совета съезда нефтепромышленников. Настроение и бодрость бастующих небывалые и невиданные. Толпа жадно слушает каждого оратора, готова итти за ним. Нет сил описать все то, что происходит кругом. У вчерашних благонамеренных людей развязались языки, и они произносят громовые речи, говорят то, о чем у себя дома, в четырех стенах комнаты, боялись даже шопотом говорить. Один из ораторов, человек с солидным положением, скрывается; он говорит, что готов был бы скорее откусить себе язык, чем сказал бы то, что говорил этой толпе, да еще в присутствии властей; он сам удивляется и даже не верит самому себе. В воскресенье было назначено массовое собрание за городом, у Волчьих ворот. Тут собралась 4 или 5 тысячная толпа. Говорили речи до семи ораторов. Говорились речи на политические темы. Тут же присутствовали уездный начальник, казачий офицер, а в некотором отдалении сотня казаков. В тот же день и в то же самое время у Балаханов была сходка из 15 тысяч, а может быть и больше. Пока скажу, что требуют восьмичасового рабочего дня, школ, народных театров, больниц и увеличения заработной платы и жалованья на 20%. Выходят ежедневно прокламации от Комитета и стачечного комитета. Выходят прокламации даже на татарском языке. Идешь по улице и видишь, 400—500 человек, окружив молодого парня, жадно слушают речи своего оратора, которому, может быть, приходится в первый раз говорить. Да, творится нечто знаменательное, то, что называется предвестником революции!

Баку, 14 июля. (Позднейшее сообщение.) О начале забастовки вы уже знаете. Продолжаю: 4 июля стачка распространилась на весь Черный и Белый город и на Биби-Эйбат. 5 июля стачка перебралась в Балаханы. Решительно вся промышленная жизнь города и окрестностей замерла. Рабочие ходили тысячными толпами по заводско-промысловому району и везде прекращали работу. Скоро найден был такой способ для этого: рабочие выпускали пар из паровика, и все поневоле останавливалось. Сопротивление нигде почти не оказывалось. Бывали случаи, что работы прекращались по требованию одного мальчишки — до того все были уверены во всемогуществе рабочих. Полиция была молчаливым зрителем всех этих событий; она сопровождала толпу забастовщиков, не делая никаких попыток к вмешательству. Скоро (5 июля) стала конка. Начали бастовать фабрики и мелкие ремесленные мастерские в городе. Вследствие стачки жел.-дор. депо, товарные поезда стали. Команда прибывающих наливных шкун немедленно присоединилась к стачке, прекратилась, следовательно, всякий привоз и вывоз товаров. Станция вся завалена товарными поездами, рейд заполнен наливными шкунами. Строительные рабочие прекратили работу: маляры, плотники бастуют. Мостовщики бросают работу. Чернорабочие-поденщики не являлись на биржу для найма. Даже жалкие из жалких — амбалы, персы, метельщики городских улиц, мусорщики и ассенизаторы — присоединяются к забастовке, заявляют свои требования, держат речи о том, что они не скоты, и требуют лучших условий труда! Небывалое явление! И вряд ли кто мог это предполагать. Даже ресторанная прислуга в числе 100 человек забастовала в 2-3 заведениях! Городовые сочувствуют забастовке и в разговорах выражают готовность присоединиться к ней. Дворники в Белом городе в числе около 50 человек (по рассказам) сбрасывают с себя знаки своего достоинства и заявляют, что за свои 8—10 рублей жалованья они не согласны подвергать свою жизнь опасности в борьбе с «внутренним врагом». Они требуют, чтобы они служили хозяевам, а не полиции. Настроение в высшей степени бодрое, приподнятое. Войско (меньше 1.000 человек) и ка-

заки не в состоянии ничему помешать. Начинаются сходки. Вы уже знаете о первых. На 6 июля Комитет назначает общую сходку у Волчьих ворот за городом. Место выбрано не совсем удачно — очень далеко, особенно для Балаханов. Вместо ожидавшихся 15—20 тысяч является 5—6 тысяч. Произнесено несколько речей о стачке, о выставленных требованиях, о необходимости политической борьбы. Собрание продолжается часа 2 в присутствии нескольких сотен казаков. Ежеминутно играет рожок, и кажется, казаки вот-вот бросятся на толпу. Но все ограничивается одними военными упражнениями и артикулами. Офицер несколько раз подъезжает к толпе и кричит ораторам: «прекратить». — «Продолжать!» раздается ответ. Собрание кончено и мирно расходится. Толпа уже рассеяна по полю (демонстрация решено не устраивать, если собранию дадут состояться). Все это время казаки начинают теснить толпу. Они еще больше рассеивают ее и тогда хватают 2—3 человека. В это время кто-то развешивает красное знамя, момент неудачный! Толпа рассеяна; часть ее спешит к знамени, но ее рассеивают казаки. Знамя держится с минуту; затем знаменосец бросает его и скрывается. В тот же день отдельное собрание в Балаханах, понятно неорганизованное. Еще более крупное собрание происходит там 7 июля. Там — 12—15.000 чел., но оно столь же неорганизовано. Комитет слишком поздно узнает о нем и не может послать оратора. Не может сделать этого и «Бакинский Стачечный Комитет», к которому в значительной степени переходит руководство движением. Собрание продолжается часов 6, но производит очень грустное впечатление: никого, кто выразил бы общее настроение, формулировал требования и пр. Говорят, некоторые управляющие вносят еще большую смуту. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что неудача этого собрания была одной из главных причин дальнейших успехов. Между тем в Баку прибывают отовсюду войска; их набирается около 5-600, и собрания становятся очень трудны. Неудача прежних расхолаживает публику, и дальнейших собраний не происходит. Теперь войска повсюду разгоняют небольшие собрания (напр. ремесленников около 150-200 чел.). Полиция начинает насильничать; на улицах нагайками избивают отдельные небольшие группы рабочих чел. в 6-8. Но продолжающийся успех забастовки поддерживает бодрое настроение. Готов стать опреснитель, и городу грозит остаться без воды: казаки под нагайками заставляют рабочих работать. Электрическая станция не работает, и к ужасу буржуа их высокие здания по вечерам остаются мрачными, неосвещенными. Один вечер клуб, где собирается вся местная буржуазия, погружается в мрак; едва мерцают свечи, и растерявшийся лакей вяло служит своим господам. Тогда начинают приниматься более решительные меры. Электрическую станцию пробуют пустить в ход при помощи матросов; а когда это не удается, рабочих под штыками принуждают к работе. Конка собирает всякий сброд, и вот появляется небывалое зрелище: каждый вагон конки движется с двумя штыками: один на передней, другой на задней площадке. Победа! Буржуа ободряется. Железнодорожные мастерские начинают работать, сначала при помощи жел.-дор. батальона, выписанного из Закаспия. Жел.-дор. рабочим объявляют расчет. Записывается сначала 18 чел. «Желающих работать» колотят товарищи, а жандармов встречают криками: «долгой жандармов!» На объяснения с начальником дороги является толпа в 3.000 человек (в депо всего 4-5.000 чел.). Выпускается очень хороший ответ Районного Комитета. Вообще теперь листки одни поддерживают настроение; но их слишком недостаточно (от 3, 6, 8, 10, 14 — печатных, от Комитета; гектографированных: к табачным фабрикам, к ресторанной прислуге, к морякам, к обществу). Начинаются переговоры с нефтепромышленниками. Вырабатываются требования балаханских рабочих (они изданы Стачечным Комитетом гектографированными) и предъявляются через депутацию Совета Съезда Нефтепромышленников. В своем заседании нефтепромышленники признают «принципиально» право рабочих вступать в договорные отношения на разных правах и устраивать для этого коалиции и стачки: «но»... это — не стачка, а «насилие» одной части рабочих над другой, и потому они «принципиально» отвергают все требования рабочих. Вывешиваются повсюду объявления: кто 14 июля, к 6 часам утра, не явится на работу, считается

уволненным; после возобновления работ нужды рабочих будут рассмотрены и «по возможности» удовлетворены. Управляющие фирм недовольны решением, собираются отдельно и вырабатывают компромиссы, но сюзерены объявляют их решение мятежным. «Никаких уступок!» — такой теперь лозунг не только крупных фирм, но и мелких, готовых раньше на большие уступки. Они чувствуют за собою поддержку штыков. «Либеральные» капиталисты — в объятиях жандармов. Черный и Белый город почти весь уже взялся за работу, работает частью и Биби-Эйбат. Но главное основное ядро стачечников — балаханские рабочие и промыслы в Балаханах и на Биби-Эйбате и сегодня, 14-го, не взялись за работу. На Биби-Эйбате взялись было местами и снова бросили. В Балаханах, говорят, работают в Романинском районе, но точно сейчас еще неизвестно. Между тем капиталисты терпят громадные убытки — они исчисляются миллионами. Сегодня Комитетом Партии выпущен листок с призывом продолжать забастовку в виду тифлиских событий. Если тифлиские события поддержат дух, хозяевам вероятно все-таки придется пойти на уступки, хотя в среду рабочих начинает прокрадываться уныние. Подождем, увидим. Сделаем общий обзор событий. По своим размерам и всеобщности стачка небывала и грандиозна. Самые низшие слои пролетариата приняли в ней участие. Впервые мусульманское рабочее население, жалкие и забытые персы в том числе, активно борется за улучшение своей участи. Они местами самые ярые забастовщики; как наименее сознательные, они проявляют наибольшую склонность к физическому воздействию. В одном месте в Балаханах толпа лезгин разрушила кочегарку. Около завода Шипаева в Белом городе произошло столкновение толпы татар с фабрики Бриева с частью шибаевских рабочих, приступивших к работе, и с войсками. Стреляли и из толпы — несколько раненых. Выпускались листки и на татарском языке, но, к сожалению, очень мало. По размерам стачка грандиознее осенней ростовской: общее число забастовщиков надо считать тысяч в 40-50. Но, к сожалению, надо признать, что для целей политической агитации она была использована очень мало. Собрания в общем не удалась, листовок мало. В этом надо винить, с одной стороны, раскол среди местных соц.-дем., с другой — общую слабость сил и неподготовленность Комитета к руководству таким грандиозным движением. Незадолго до стачки Комитет обсуждал вопрос об общей забастовке, предвидя ее возможность, но решил не вызывать ее в виду своей неподготовленности. Но события опередили Комитет. Повторилась старая история: организация позади движения. Особенно неорганизовано движение в Балаханах; некоторые вожаки балаханской стачки стоят даже на точке зрения «чисто экономической» борьбы. Встречаются подобные голоса (и притом не одинокие) и в городе. Но тем не менее результаты стачки все же велики и свидетельствуют об огромном росте движения и о громадной солидарности рабочих: многие рабочие бастовали единственно из солидарности. Впрочем, о результатах движения еще рано говорить. Теперь бы побольше литературы сюда, ее совсем нет! — 14 июля. 7 часов вечера.

[Файнберг]

Тифлис. С понедельника (14 июля) в Тифлисе ожидается общая забастовка. (Бастовать будут жел.-дор. мастерские, мясники, приказчики, пекаря, типографщики, ожидают и трамвай.) Приказчики со второго июля поставили требования: рабочий день только до восьми часов вечера, они добились своего — все эти дни в закрытии лавок в восемь часов принимает участие и полиция. За приказчиками поднялись и мелкие мастерские — требуют окончания рабочего дня в шесть часов (до сих пор эти мастерские — медно-литейные, сапожные и т. д. — работали до 10—11 часов вечера. С 11-го объявили стачку мясники — требуют уничтожения городских лавок (мясных) и некот. изменений в перевозке и осмотре скота. С завтрашнего дня устраивают стачку пекаря. Можно надеяться, что ни одна отрасль производства не останется в спокойном состоянии. Сегодня газеты не вышли — типографщики поставили свои требования. В некоторых типографиях сделали повальный обыск, раздевали догола, обыскивали, не выпускали из типографий, заставляли работать.

Союзный Комитет озабочен тем, чтобы организовать общекавказскую забастовку. Начало положено было Баку. О чудных делах в Баку вы, вероятно, получите сведения непосредственно. В Тифлис известия (по почте) не доходят. Теперь на Кавказе творятся удивительные дела: движение захватывает все более широкие массы. Даже такой обиженный природой угол, как Гори, и тот не остался глух к политической борьбе. Во время высылки интеллигентов Джибладзе и Цабадзе на вокзале собралось более 200 чел. (интелл., рабоч., лавочники, ремесл.); надо заметить, что в Гори нет ни одного промышленного заведения; собравшаяся публика на вокзале провожала поезд с пением и криком: «Долой самодержавие! да здравствует республика и от'езжающие товарищи!».

В Батуме в конце июня был убит одним провокаторм по фамилии Кения один рабочий (сознательный) Ломадтария. На похоронах после гудка собралась масса народу (3.000 чел.); хотели понести по главным улицам, но около Манташевского пер. встретили полицию и принуждены были пойти прямо на кладбище. Там было произнесено несколько политических речей; провожающие возвращались обратно с пением «Марсельезы» на трех языках (грузинском, армянском и русском). Интересна одна подробность: по пути следования, при встрече с буржуа, требовали, чтоб он повернул обратно, а при встрече с рабочим кричали: «Дорогу рабочему!» Полиция не особенно старается преследовать убийцу, но рабочие решили его при случае убить. На одной из ближайших станций к Батуму убит провокатор.

Тифлис, 9 (22) июля. (Письмо рабочего.) В городе еще несколько дней назад ходил слух о том, что 1 (14) июля ссылают в Восточную Сибирь четырех политических: 1) Георгия Караджера (арм. интел., арестован 16 февраля 1902 года, 40 лет); 2) Георгия Вардяна (институтец, арм., арест. 4 фев. 1902 г., 23 лет); 3) Власа Мгеладзе (грузин, наборщик, арест. в ноябре 1901 г., 28 л.); 4) Эраста Чантладзе (наборщик, ар. в апреле 1901 г., грузин, 30 лет). По этому поводу 1 (14) июля большая толпа окружила тюрьму. Кроме рабочих, собралось много женщин, детей и посторонних лиц. Но скоро их разогнали. Тогда толпа из тюрьмы отправилась к Петро-Павловскому кладбищу*, на железной дороге, откуда долгая толпа проити поезд, а я отправился на вокзал. Было уже половина первого, второй звонок давно прозвонил, но ссыльных еще не приводили. Наконец, привели уголовных, но среди них наших четырех товарищей не было. Поезд тронулся, а в это самое время на платформе, среди многочисленных рабочих (около 10.000 чел.) гордо поднялось красное знамя, на котором на трех языках золотыми буквами было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Да здравствует свобода. Долой самодержавие». Демонстранты, думая, что в этом поезде находятся наши товарищи, минуты на три остановили поезд. Тогда со стороны властей началась зверская расправа, начали стрелять из револьверов в рабочих. Из наших было ранено пять человек; один из них был ранен очень тяжело, а остальные неопасно.

Оказалось, что правительство нахально обмануло нас. Из тюрьмы наших товарищей отвезли прямо в Невтлук (первая станция от Тифлиса) и хотели оттуда отправить их. Когда бывшие на Петро-Павловском кладбище узнали, что они обмануты, тотчас же через Авлабара (часть города) вернулись в город, но они увидели четыре кареты, окруженные казаками вместе с полицеймейстером и губернатором: это везли четырех политических. Здесь, конечно, толпа выказала свою симпатию к благородным борцам.

Тяжело раненого товарища увезли в Михайловскую больницу, где он в тот же вечер умер. Когда рабочие узнали об этом, они были очень опечалены и огорчены. Хотели в ближайшее воскресенье устроить грандиозную демонстрацию и торжественно похоронить борца за свободу. Но каково было наше негодование и возмущение, когда мы на следующий день узнали, что начальство в три часа ночи украло труп и тайком похоронило его. Теперь у нас даже мальчуганы называют правительство вором и

* На кладбище собралось около 5.000 человек.

разбойником, так как оно украло наших четырех товарищей из тюрьмы, а умершего из больницы.

Все говорят, что правительство видит, что оно не в состоянии победить нас насильем, и прибегает теперь к хитростям и разбойничеству. С этим мы, конечно, поздравляем его. Эта трусость правительства нас очень забавляет.

У нас продолжается волнение среди приказчиков. Они каждый вечер разбивают стекла магазинов и требуют, чтобы магазины открывались не раньше восьми часов утра и закрывались не позже восьми часов вечера. Они добились того, что теперь сама полиция заставляет хозяев исполнять их требование.

Армянский рабочий.

Киев. 21 июня Комитет Партии обратился с воззванием ко всем типографщикам и к железнодорожным рабочим. «Бросайте немедленно работу. Наши одесские и бакинские товарищи ждут нашей поддержки», писал Комитет в своем воззвании к железнодорожным рабочим, выставляя ряд (15) требований с восьмичасовым рабочим днем и повышением расценок на 40—50% во главе. В тот же день бросили работу все рабочие жел.-дор. мастерских, депо и малого ремонта и Южно-Русского машиностроительного завода, в числе 4.000 человек. В листке к типографщикам Комитет предлагал выставить требования увеличения заработной платы на 30%, восьмичасового раб. дня, устройства вентиляции и лучшего освещения в типографиях. 22 июня типографщики, в числе 500—600 человек, присоединились к стачке.

О дальнейшем разрастании стачки, о вмешательстве военной силы и связанных с этим событиях надеемся сообщить в следующем номере.

Из Донецкого бассейна. Весною настоящего года российской социал-демократией, в лице «Социал-демократического Союза Горнозаводских Рабочих», впервые была произведена попытка революционизирования широких масс горнозаводского пролетариата юга России путем подмета листов и прокламаций. До этого были производимы только разрозненные попытки распространения литературы и листов в Мариуполе и Юзовке Екатеринославским Комитетом и в Таганроге — Донским Комитетом (в Сулинском заводе и в Александрово-Грушевском районе Донской Комитет работал более систематически)*. «Социал-демократический Союз Горнозаводских рабочих» поставил себе специальной целью обслуживать все крупные металлургические и машиностроительные заводы и шахты на юге. Первый опыт дал результаты вполне удовлетворительные. В течение марта, апреля и мая «Летучим отрядом» и местными комитетами «Союза» распространено на большинстве крупных заводов и шахт до 50.000 листов и прокламаций самого разнообразного содержания**. Прежде чем приступить к описанию майской агитации и настроения горнозаводского пролетариата в эти дни, скажем несколько слов о весенней агитации «Союза». До 18 апреля «Союзом» было выпущено из собственной типографии свыше 30.000 листов и распространено более 1.000 экз. различных брошюр и периодических изданий. Наибольшим успехом из семи листов, выпущенных «Союзом» до 18 апреля, пользовались: «Пауки и Мухи» Либкнехта со сказкой «О попе и чорте» в приложении (8 тыс. экз.), «Кто наши враги?» (6 тыс. экз.) и «Как до сих пор боролись шахтеры и заводские рабочие за лучшую долю и как действовать теперь?» (6 тыс. экз.) В приложении к листкам было помещено до десятка стихотворений и песен революционного содержания. Срав-

* Впрочем, в 1898 г. Донским Комитетом было распространено несколько тысяч листов (изданных в типографии Киевского Комитета) во всех крупных центрах Донецкого бассейна. Но вследствие малодетности этой попытки листки не оставили заметного следа.

** Ради экономии места и сил «Союз» печатает все свои листки с обеих сторон, помещая на обороте стихи и песни революционного содержания. Таким образом число листов в сущности удваивается: Союзу удалось пустить в обращение до 90.000 оттисков.

нительно меньшим успехом пользовался листок «О безработице» вследствие чрезмерной трудности темы и недоступности ее широкой массам шахтеров. Весенний опыт, как мы упомянули уже выше, дал прекрасные результаты: все население горнозаводского юга всколыхнулось, все заговорили о «социалистах» и «афишках» (так рабочие называют листки), появившихся, по их мнению, чуть ли не ежедневно у дверей каждого рабочего: кто сам не мог прочитать «афишку», тот с жадностью слушал, что говорят товарищи, которым удалось раздобыть листок. Многие хранили листки на память («кабы я знал, — говорил один шахтер, — кто пишет эти „письма“, — тоже привившееся среди шахтеров название прокламации, — я бы снял с него портрет и повесил себе вместо образа»). Все пришло в движение — рабочие тщательно подбирали листки, полиция и служащие на рудниках и заводах стали производить целые облавы, чтобы не допустить среди рабочих распространения запретной литературы. Если кто из рабочих и не слышал о «письмах», то розыски полиции делали их еще более популярными среди массы. Особенно много содействовали этому и возбуждали интерес к «письмам» попы, которые принялись усердно с амвона доказывать рабочим зловредность социализма и увещевали не читать прокламаций, раскидываемых «социалистами». Облавы, производимые полицией, не дали особенно блестящих результатов, так как громадное большинство листов осталось в руках рабочих. Пропганда духовенства была еще более на руку агитации «Союза», который собирается по этому поводу выпустить специальный листок. Нужно, однако, сознаться, что для шахтеров листки «Союза» оказались недостаточно понятными, и многое истолковывалось совершенно превратно. Гораздо лучше были поняты и больше успеха имели листки среди заводских рабочих, где сплошь и рядом приходится встречать вполне интеллигентных и сознательных рабочих, открыто именующих себя «социал-демократами». Смута, произведенная листками «Союза», создала крайне тревожное настроение на всем юге: шахтеры повсеместно стали готовиться к «бунту», все ожидали небывалых беспорядков. В виду этого «Союз» выпустил листок № 7, в котором предостерегал рабочих от буйства и так наз. «бунта», поясняя вред подобных беспорядков на истории прежних волнений на юге.

Сенсация, произведенная мартовской и апрельской агитацией, а также повсеместное возбуждение умов в России побудили «Союз» приступить к самой широкой майской агитации. «Союз» решил призвать горнозаводских рабочих к празднованию 1 мая посредством однодневной забастовки и демонстрации. С этой целью им было распространено на 15 заводах и 19 рудниках 8 тысяч листов с разъяснением значения 1 мая, в приложении к ним были помещены «Рабочая Марсельеза» и «Песни 1 мая» (печатано в собствен. типографии), пять тысяч листов с призывом к празднованию 1 мая (печ. в собств. тип.), пять тысяч майских листов «Организационного Комитета». В общем, пущено в обращение на 34 шахтах и заводах 18 тысяч майских прокламаций (не считая семи тысяч майских листов, распространенных Донским Комитетом в Таганроге, Сулине и Александрово-Грушевске, — тогда цифра майских листов, распространенных на всем горнозаводском юге, достигнет двадцати пяти тысяч). Однако, планы «Союза» были осуждены на неудачу: кишиневский погром заставил его, в виду крайней некультурности шахтеров, отказаться от мысли устройства демонстраций. Повсюду — и в Мариуполе, и в Юзовке, и в Луганске — носились упорные слухи о еврейском погроме; полицейский пристав Левицкий в Юзовке, не стесняясь, угрожал, в случае демонстрации, погромом евреев; повсюду началось массовое выселение евреев; да и служащие на многих рудниках всячески стремились уехать на опасное время с шахт подальше; все готовилось к небывалому бунту. Организовать в такое время демонстрацию было слишком рискованно. «Союз» готов был удовлетвориться огромной сенсацией, произведенной им по всему бассейну, тем более, что сами власти повсюду спешили устроить внушительную военную манифестацию в день 1 мая и все ближайшие праздники. Таким образом, все население узнало, что среди рабочих неспокойно, что 1 мая — опасный день для правительства. Особенно усердствовали власти в Луганске* и нагнали туда массу войска,

опасаясь, чтобы рабочие во время манифестации не разграбили патронный завод, где хранится масса динамиту, и склады пороха и оружия. В Мариуполе, за отсутствием регулярных войск, воинский начальник нарядил в военное облачение ополченцев, отбывавших весенний сбор. Появление подобного войска на улицах возбудило среди рабочих гомерический хохот, так как среди «усмирителей» они узнавали многих своих товарищей и друзей. Кто знает, — в случае столкновения, пожалуй, ополченцы перешли бы на сторону «бунтовщиков». В Юзовку, Волынцево, Макеевку, Таганрог и Александрово-Грушевск равным образом нагнали целые полчища казаков и даже пехоты. Все это еще более волновало и без того взбудораженное население.

Помимо даже воли «Союза» майская агитация вызвала кое-где волнения и попытки празднования 1 мая. В Таганроге местный Комитет решил организовать однодневную забастовку: весь день не работали на «малом» заводе Вильде (800 чел.) и в некоторых цехах «большого» — металлургического завода. В Юзовке в течение всей Пасхи и во все праздники перед 1 мая по улицам и особенно на базаре толпились огромные массы шахтеров и мастеровых в ожидании демонстрации; даже 1 мая, в будни, на «насыпи» собралось много народу и, несмотря на настойчивое требование полиции, толпа не расходилась, пока, наконец, полиция не оцепила и не переписала до 30 рабочих. В Мариуполе перед самым 1 мая вспыхнули под очевидным влиянием майских листов две стачки: одна в листопрокатном цехе завода «Русский Провиданс» 200 чел.), другая в том же цехе на заводе «Никополь-Мариупольского Общества» (до 250 чел.). На «Провидансе» забастовали из-за понижения расценки. Новый директор, г. Туманов, прославившийся бесчеловечной эксплуатацией рабочих и преследованием рабочих-иноверцев (особенно поляков), еще в бытность свою директором Макеевского металлургического завода **, понизил расценки в листопрокатном цехе до того, что заработок рабочих сократился наполовину. Достаточно было искры, чтобы недовольство рабочих прорвалось наружу. Листки «Союза» были этой искрой. Но г. Туманов решил энергично пресечь стачку: он немедленно объявил расчет 100 рабочим и предложил им тотчас же очистить квартиры. По всей вероятности, столь решительный образ действий директора вызвал бы всеобщее возмущение и крупные беспорядки на обоих заводах по примеру 1899 г., но вмешательство окружного инженера, г. Абрамова, прекратило волнение в самом зародыше. Зная результаты административной деятельности г. Туманова на Макеевке, окружный инженер заставил директора принять обратно всех рассчитанных рабочих и удовлетворить хоть отчасти требования забастовщиков. Вскоре работы возобновились. В случае невыполнения обещания стачка, по всей вероятности, возобновится. Вслед за этим вспыхнула забастовка на «Никополь-Мариупольском заводе» из-за неаккуратной выдачи заработка; были выставлены, кроме того, и другие требования (напр., удаление нелюбимого мастера Вейсика и др.). Нагрянувши власти, полицеймейстер обратился к толпе рабочих, собравшихся в огромном количестве (для обсуждения стачки) с речью, в которой доказывал, что он за рабочих. Тогда из толпы забастовщиков выступил оратор-рабочий, который произнес воодушевленную и обстоятельную речь в ответ на лицемерные увещания полиции. Он перечислил все прегрешения заводского начальства и полиции, подробно изложил и мотивировал все требования забастовщиков. Красной нитью в речи оратора проходила идея политической борьбы; неизбежность столкновения рабочих с правительством; указывая на известные беспорядки 1899 г., он призывал товарищей к борьбе за политическую свободу. Речь эта произвела огромное впечатление, и заводоуправление, помня 14 июля 1899 г. (день избития мариупольских рабочих), а также зимние волнения рабочих

* В Луганске в течение весны, еще до присоединения к «Союзу», местным Комитетом было распространено четыре листка (собств. издания) и только с конца апреля началось распространение изданий «Союза».

** В Макеевке г. Туманов довел, наконец, рабочих своими преследованиями и эксплуатацией до «бунта». Известные Макеевские беспорядки в мае 1899 г. возникли благодаря этому господину.

по поводу массового расчиста и выселения нескольких сотен рабочих семейств, поспешило удовлетворить требования забастовщиков. Кроме того, происходили частичные беспорядки и непродолжительные стачки на некоторых рудниках (напр., на Щеглинском руднике и друг. возле Луганска), кончавшиеся кое-где разгромом контор и других рудничных зданий.

Массовое распространение изданий «Союза» усилило, разумеется, бдительность полиции: повсюду были даваемы инструкции стражникам и полицейским, обещаны награды за поимку «разбрасывателей», усилены наряды полиции. Произведена масса обысков в Мариуполе, Юзовке, Луганске, Таганроге, Сулине и даже Волынцеве. Забирали случайных прохожих, заводских служащих и даже воришек. Арестовано в общем повсюду до 30 человек. В Луганске сидят: Крупицкая (акушерка), Яковлев (служащий на заводе Гартмана), Овчинкин (рабочий, по слухам он взят с кийкой прокламаций в Юзовке и был сильно избит полицией) и много других, в общем 18 человек. В г. Бахмуте: Липкин (портной), арестован по подозрению в распространении прокламаций, Гутцайг (фотограф), выпущен. В Таганроге сидят, кроме ростовцев, несколько человек по подозрению в разбрасывании майских прокламаций. Кроме того были взяты, но скоро выпущены: в Мариуполе — Гольдман, рабочий (теперь отбывает наказание, 3 мес. заключения, в Таганрогской тюрьме), в Юзовке — Шестаков (поверенн. по суд. делам), Альтшуллер (печатник) и многие другие.

Москва. В начале июля на заводе Бромлей была стачка 2.000 рабочих после того, как фабричная администрация объявила уменьшение расценок. Рабочие отказались работать и легли на дворе без крика и шума. После свистка на обед, рабочие ушли домой и, вернувшись, легли опять на дворе. Дисциплина во все время стачки была превосходная. Около того же времени была стачка на фабрике Листа. Требовали удаления директора, повышения расценок, уменьшения рабочего дня. Требования удовлетворены.

Озёры, Коломенского у. Московской г. Стачка в Озёрах (№ 44 «Искры») прекратилась тотчас же после того, как было вывешено объявление исправн., так как Моргуновыми были сделаны некоторые уступки и при этом было известно, что, в виду дороговизны хлопка и наличности богатого запаса товара на складе, остановка прядильни принесла бы только одну пользу хозяину.

ИЗ ПАРТИИ

С февраля 1903 года Северным рабочим союзом было издано и, между прочим, распространено: 1) листок «К товарищам» (памяти погибших) (типография Орг. Ком.); 2) листок ко всем русским рабочим (по поводу 19 февраля); 3) брошюра «Письмо матроса к товарищам» (собств. типогр.); 4) брошюра «Самодержавие колеблется» (перепеч. из «Искры», в собств. типогр.); 5) майские листки Орг. Ком. и «Искры»; 6) перепечатка «Открытого письма в „Искру“» (№ 34). — Издано Ярославским Комитетом Союза: 1) «К обществу и рабочим» (по поводу возобновления Комитетом работы); 2) «К обществу» (по поводу голодовки в тюрьме); 3) листок по поводу Костромской демонстрации. — Костромским Комитетом издано: 1) листок: «Ко всем костромским рабочим» (по поводу бывш. стачки-демонстрации); 2) «К обществу» (по поводу того же). Об изданиях Тверского Комитета см. предыдущие №№ Искры.

Пермский Комитет Партии издал в июле листки: 1) к учителям и учительницам; 2) по поводу истязаний в пермской тюрьме.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Нижегород. Во второй половине июня арестованы: Сысин, Б. Морковин, Второва, Кольбах, Тучина и отправлены в Восточную Сибирь; Моисеев (брат

осужденного зимой за демонстрацию) сослан на низ Волги. — В Екатеринославе в ночь на 25 июня арестовали 28 чел., преимущественно рабочих. На-днях бежал из местной тюрьмы товарищ Друян.

Приговоры. Одесса. Арестованные во время гектографирования прокламации по поводу самоубийства рабочего на фабрике Высоцкого в июне 1902 г. и выпущенные спустя шесть недель получили теперь поражающий приговор: Абрам Грабарский, фотограф, Яков Спивак, служащий в конторе, и Соня Гройсман, учительница, — 3 года Восточной Сибири; Ф. Колтун, учитель, — 7 лет Вост. Сибири. По харьковским соц.-дем. делам с октября и декабря 1900 г. известны приговоры: врач Л. Файнберг, бывший студ. В. Марков, пом. пр. пов. Рогачевский — 3 г. гласного надзора, мать и дочь Николаевы — 2 года надзора, бывш студ. П. Шумов — 5 л. Вост. Сибири.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Поправка. В одном из последних №№ Искры допущена ошибка, состоящая в следующем. Арестованным редактором Курской газеты назван ошибочно Богомазов, вместо действительно арестованного редактора Началова.

Поправка ¹². В 44 «Искры», в статье «Еще о социально-революционной стратегии», говоря о майской демонстрации в Тифлисе, мы цитировали корреспонденцию, приведенную в одном из предыдущих номеров нашей газеты. При этом, благодаря ненадлежащему размещению кавычек, наши собственные слова — «опоздавшей полиции осталось только вымещать свою злобу на тех, кто почему-либо во-время не успел разойтись» — оказались отнесенными к цитате. Просим читателей исправить этот корректорский недосмотр.

Матвею. Письма получили, дайте адрес для ответа. Мирэ. Письмо не разобрано, просим правильное шифровать.

Таблеру. Письмо получено, все будет улажено.

Получено: из Цюриха: за литературу 144,20 фр., по подписному листу на изд. брошюры об антисемитизме 44,20 фр., с реферата 25 фр., пожертвования и членские взносы 33 фр.; из Л.: от Феде 36 мар., от добровольцев 24 мар.; через Мюнхен от дурака 3 руб.; из Берна: за литературу 127 фр., по подп. листу на изд. брош. об антисем. 31 фр., от химички 5,30 фр., от предприятия 5,70 фр.; с вечеринки в Ю. Б. для Орг. Ком. 225 мар.; с Урала на «И» 10 руб.; из М-на 100 мар.; из Вены за литературу 15 гульд.; собрано по подп. листам для кавказских и одесских стачечников: в Берне 12,20 фр., в Биле 11,30 фр., в Шпице 70 фр., в Беатенберге 36 фр.; от Б. К. Ф. на литературу 22 фр.; от радикала из К... ни „сильно запоздало“ 10 руб.; от Г. С. Д. и Ф. J. Н. 300 мар.; с реферата в Берне 22 фр.; из Москвы 78,50 фр.; из Нью-Йорка 55 доллар.; через «Лысого» получено «в новый год» 106 р.; из Кларана для киевских, одесских и кавказских стачечников 107 фр.

От Женевского отделения общ. помощи ссыльным и заключенным через организацию «Лиги революционной социал-демократии» переслано: в Саратов 10 руб.; в Вятскую губ. 10 руб.; в Енисейскую г. 10 р.; для Т. 10 р.; для Б. 40 фр.; в П. 40 фр.; для О. 10 р.; в Саратов для К. 20 р.; в Красноярск 5 р.; почтовые расходы 2,15 фр.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Струве, Булгаков и Бердяев — политические вожди и идеологи русской буржуазии, в своей эволюции отразившие этапы развития ее политической идеологии. В 90-х годах легальные марксисты. О Струве см. прим. 1-е к № 23 «Искры», о Булгакове — см. прим. 5-е к № 17 «Искры» и о Бердяеве см. прим. 24-е к № 33 «Искры».

Прим. 2. О Мережковском см. прим. 22-е к № 33 «Искры».

Прим. 3. Упоминаемое здесь письмо (Зальцбрунн 15 июля 1847 года) В. Г. Белинского было написано им Н. В. Гоголю по поводу опубликования последним «Избранных мест из переписки с друзьями». В «Переписке» Гоголь выступил апологетом самодержавия, крепостничества и православия. Письмо Белинского было страстной отповедью... «проповеднику кнута, апостолу невестства, поборнику обскурантизма и мракобесия...».

Насколько велико было политическое значение письма, видно из того, что за чтение и распространение его правительство присуждало к смертной казни или к каторжным работам. Впервые письмо было опубликовано Герценом в 1855 г. в № 1 «Поллярной Звезды».

Прим. 4. Радищев, А. Н. (1749—1802) — один из образованнейших и передовых людей екатерининского времени, по своим политическим убеждениям революционный республиканец. В 1790 г. за произведение «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором открыто осудил крепостное право, присужден к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. Из ссылки возвращен в 1796 г. и в 1801 г. назначен в комиссию по подготовке законов. Попад под угрозу новой ссылки за проект закона о немедленном уничтожении крепостного права, Р. покончил самоубийством в 1802 г.

Прим. 5. Лавелэ Эмиль Луи Виктор (1822—1892) — катедер-социалист. Бельгийский писатель, издавший много научных трудов по истории, литературе и различным общественным наукам. Особенно значительны его работы по экономике, в которых он отстаивал мелкое землевладение, крестьянскую общину и необходимость деятельного вмешательства правительства для улучшения быта рабочих.

Прим. 6. О народопривазах см. прим. 17-е к № 42 «Искры».

Прим. 7. О златоустовском деле см. «Искру» № 38, стр. 19, корреспонденция «С Урала», в № 39, стр. 12/38, корреспонденция «Из Златоуста», в № 50 корреспонденция «К делу о златоустовской бойне».

Об алапаевском деле см. «Искру» № 38, стр. 12 «Новое проявление царского правосудия».

Прим. 8. Берлинский конгресс заседал с 13 июня по 13 июля 1878 г. для пересмотра условий Сан-Стефанского договора, навязанного Россией побежденной Турции после войны 1877 г. По Сан-Стефанскому договору образовалась «Великая Болгария», получившая выход к Черному и Эгейскому морям и долженствовавшая фактически явиться верным вассалом России.

Это вызвало протест держав, в особенности Англии, и при содействии «честного маклера» Бисмарка был созван Берлинский конгресс с участием представителей всех заинтересованных держав. Конгресс выработал берлинский трактат, по которому Болгария, образовавшая по Сан-Стефанскому трактату одно сплошное государство, была разделена на 3 части, из которых только северная до Балкан стала самостоятельным княжеством; часть южная, не доходившая до моря, делалась лишь самоуправляющейся провинцией Турции, а Македония на некоторых условиях осталась в полном обладании Турции.

Прим. 9. Стамбулов Степан (1854—1894)—один из виднейших политических деятелей Болгарии, руководитель национально-либеральной партии со времени отречения князя Александра Баттенбергского 8 сентября 1886 г. до 1894 г., фактический диктатор Болгарии. Во внешней политике С. стремился к сближению с Тройственным Союзом, особенно с Австрией. Его стараниями князем Болгарии был избран Фердинанд Кобургский, тогда офицер австрийской армии. В 1894 г. отношения Фердинанда, желавшего восстановить связь с Россией, с руссофобом С. обострились настолько, что С. подал в отставку. 15 июля 1894 г. С. был убит на улице наемными убийцами.

Прим. 10. Народная или национальная партия Болгарии—буржуазная партия, руководимая И. Гешовым и неуклонно следовавшая во внешней политике указаниям русского царского правительства.

Прим. 11. Независимцы—независимая еврейская рабочая партия, организованная начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатовым для противодействия влиянию Бунда. Надеясь на «легализацию» рабочего движения, «независимцы» оправдывали существование царизма, а некоторые (М. Вильбушевич) договаривались до зубатовской «дивной теории царизма». Благодаря их игре на национализме отсталых еврейских ремесленных рабочих и некотором организационном кризисе, который в этот период переживал Бунд, независимцам одно время удалось достичь известных успехов в Минске и Одессе. Всеобщая забастовка в Одессе в июле 1903 г., в которой приняли активное участие рабочие независимцы под руководством Шаевича, привела к ликвидации организаций. Правительство испугалось активного участия «независимцев» в одесской забастовке и ликвидировало не только одесское, но и все «независимое» и вообще зубатовское движение.

Прим. 12. В настоящем издании ошибка нами исправлена.